

В. Г. Белинский

**Русский театр
в Петербурге.**

Женитьба... сочинение...

Виссарион Григорьевич Белинский
Русский театр в Петербурге.
Женитьба... сочинение
Н. В. Гоголя (автора
«Ревизора»). Русская
боярыня XVII столетия...
Соч. П. Г. Ободовского

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2968315

Аннотация

«...словно нетопыри прекрасным зданием, овладели нашей сценою пошлые комедии с пряничною любовью и неизбежною свадьбою! Это называется у нас «сюжетом». Смотри на наши комедии и водевили и принимая их за выражение действительности, вы подумаете, что наше общество только и занимается, что любовью, только и живет и дышит, что ею! И какую любовь – бескорыстною, без всякого расчета на приданое, на связи и покровительство!...»

Содержание

Женитьба, оригинальная комедия в двух действиях, сочинение Н. В. Гоголя (автора «Ревизора»)	4
Русская боярыня XVII столетия. Драматическое представление в одном действии, с свадебными песнями и пляской, соч. П. Г. Ободовского	10

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Русский театр в
Петербурге. Женитьба...
сочинение Н. В. Гоголя
(автора «Ревизора»).**
**Русская боярыня
XVII столетия... Соч.
П. Г. Ободовского**

**Женитьба, оригинальная комедия
в двух действиях, сочинение Н.
В. Гоголя (автора «Ревизора»)**

В ожидании выхода полного собрания сочинений Гого-

ля¹ скажем здесь несколько слов о характерах в новой комедии его «Женитьба». *Подколесин* – не просто вялый и нерешительный человек с слабою волею, которым может всякий управлять: его нерешительность преимущественно выказывается в вопросе о женитьбе. Ему страх как хочется жениться, но приступить к делу он не в силах. Пока вопрос идет о намерении, Подколесин решителен до героизма; но чуть коснулось исполнения – он трусит. Это недуг, который знаком слишком многим людям, поумнее и пообразованнее Подколесина. В характере Подколесина автор подметил и выразил черту общую, следовательно, идею. Подколесин покоряется одному Кочкареву, потому что тот нахал, которому не уступить – значит решиться на историю, конечно, не опасную, но зато неприличную, а одно стоит другого. *Кочкарев* – добрый и пустой малый, нахал и разбитная голова. Он скоро знакомится, скоро дружится и сейчас на *ты*. Горе тому, кто удостоится его дружбы! Кочкарев переставит у него по-своему мебель в комнате, да еще будет ругать, если тот не усердно будет помогать ему распоряжаться в своем доме. Кочкарев навязет другу своего портного, своего сапожника не потому, чтоб убежден был в их превосходстве, а для того только, чтоб сказать: «Я рекомендовал». Кочкарев хочет, чтоб все шло и делалось через него и чтоб все говорили: «Этот человек на все руки». Для этого он готов хлопотать, биться до поту лица, перенести что угодно. Друг его собирается купить

---

¹ Издание вышло в свет 26 января 1843 г.

дом: у Кочкарева уж есть на примете дом – отличнейший во всех отношениях, именно такой, какой нужен его другу; он сам, правду сказать, и не был в этом доме, но готов сейчас же расписать расположение его комнат, доказать его удобство, выгодность, побожиться за достоинство каждой половицы, каждого стропила. Если друг не захочет смотреть этого дома, он потащит его, будет упрашивать, умолять, а в случае решительного отказа рассорится с другом *по-своему*: назовет его и «свиньей» и «подлецом». Первые слова его свахе, которую застал он у Подколесина, были: «Ну, послушай, на кой черт ты меня женила?» Из этого видно уже, что женитьба не очень осчастливила его и что не ему бы хлопотать о женитьбе других. Но не тут-то было: проведав о чужом деле, он уже похож на гончую собаку, почуявшую зайца; чтоб похлопотать, он описывает женитьбу самыми обольстительными красками, какие только может ему дать его грубая фантазия. И потому, если актер, выполняющий роль Кочкарева, услышав о намерении Подколесина жениться, сделает значительную мину, как человек, у которого есть какая-то цель, – то он испортит всю роль с самого начала. В конце пьесы Кочкарев, взбесившись на Подколесина, сам говорит: «Да если уж пошло на правду, то и я хорош. Ну, скажите, пожалуйста, вот я на вас всех сошлюсь: ну не олух ли я, не глуп ли я? Из чего бьюсь, кричу, инда горло пересохло? Скажите, что он мне? родня, что ли? И что я ему такое – нянька, тетка, свекруха, кума, что ли? Из какого же дьявола, из чего, из чего я хло-

почу о нем, не знаю себе покою, нелегкая прибрала бы его совсем? – А просто черт знает из чего! Поди ты, спроси иной раз человека, из чего он что-нибудь делает!» В этих словах – вся тайна характера Кочкарева. *Жевакин* – не кривляка, не шут: это старый селадон, а потому и щеголь, несмотря на свой старинный мундир. Куда бы ни занесла его судьба – хоть в Китай, не только в Сицилию, – он везде заметит одно только: «розанчики этакие». Кроме «розанчиков», для него ничто на свете не существует. – *Анучкин* – человек, живущий и бредящий одним – высшим обществом, которого он никогда и во сне не видывал и с которым у него нет ничего общего. Он почитает себя образованным человеком и, услышав о Сицилии, сейчас захотел узнать, говорят ли там «барышни» по-французски. *Барышни, французский язык и обхождение высшего общества* – в этом для него и смысл жизни и цель жизни, и, кроме этого, для него ничто не существует. Много попадается Анучкиных на белом свете: они-то громче всех хлопают актерам и вызывают их; они-то восхищаются всяким плоским и грубым двусмыслием в водевиле и осуждают пьесы за неприличный тон; они-то не любят ни на сцене, ни в книгах людей низкого звания и грубых выражений. Анучкин – в высшей степени типическое лицо, для представления которого на театре нужно много ума и таланта. – Пятое действующее лицо – *Яичница* (экзекутор). Это человек грубый, материальный; но он живет и служит в Петербурге, – стало быть, не похож на провинциального медведя. Вообще,

для хорошего выполнения ролей, созданных Гоголем, актерам всего нужнее – *наивность*, отсутствие всякого желания и усилия смешить. Если человек имеет смешную или слабую сторону, он тем и возбуждает смех, что не предполагает в себе ничего смешного или странного. В обществе никто не станет стараться смешить других на свой счет, а сцена должна быть зеркалом общества...

Лицо *свахи* в «Женитьбе» есть одно из самых живых и типических созданий Гоголя. Бойкость, яркость движений, трещоточный разговор должны быть прежде всего схвачены актрисой, выполняющею эту роль; малейшая вялость, тяжеловатость сейчас испортят дело. Это баба, наметавшаяся в своем ремесле; ее не расстроит никакое обстоятельство, не смутит никакое возражение; у нее готов ответ на всякий вопрос.

Невеста спрашивает сваху про одного из женихов, не пьет ли он. «А пьет, не прекословлю, пьет! Что же делать? Уж он титулярный советник, зато такой тихий, как шелк», – отвечает сваха и, в утешение, прибавляет: «Впрочем, что ж такого, что иной раз выпьет лишнее? Ведь не всю же неделю бывает пьян – иной день выберется и трезвый». Про другого она говорит: «Немножко заикается, зато уж такой скромный»².

Сколько юмора, какой язык, какие характеры, какая типическая верность натуре! Но, увы, словно нетопыри пре-

---

² Белинский цитирует Гоголя не совсем точно.

красным зданием, овладели нашею сценою пошлые комедии с пряничною любовью и неизбежною свадьбою! Это называется у нас «сюжетом». Смотря на наши комедии и водевили и принимая их за выражение действительности, вы подумаете, что наше общество только и занимается, что любовью, только и живет и дышит, что ею! И какую любовью – бескорыстною, без всякого расчета на приданое, на связи и покровительство!..

Русская боярыня XVII столетия. Драматическое представление в одном действии, с свадебными песнями и пляской, соч. П. Г. Ободовского

Трагедия, водевиль и балет, вместе взятые, составляют «драматическое представление», по мнению знаменитых драматургов Александрийского театра – гг. Полевого и Ободовского. У них, как у истинных гениев, своя логика и своя эстетика! Собственно «драматизм», по этой оригинальной логике и глубокомысленной эстетике, должен заключаться в внезапных встречах отцов с детьми, мужей с женами, любовников с любовницами. Окончание всегда должно быть счастливое – торжество добродетели, наказание порока: это уж для нравственности. Сочинив такой замысловатый рецепт из таких простых и дешевых снадобий, сии достойные драматурги много уже составили по нем прекраснейших «драматических представлений», которые достойно удивили и восхитили публику Александрийского театра. Не станет ничьей памяти сосчитать, в который уже раз г. Ободовский удостоился лаврового венка Софокла, когда восхищенная и до глубины тронутая публика Александрийского театра так едино-

душно хлопала, слушая восхитительное пение г-жи Гусевой и смотря на очаровательную пляску г-жи Каратыгиной. Содержание «Боярыни XVII столетия» состоит в том, что в деревню и дом жены псковского воеводы Морозова пожаловал невзначай отряд шведов, которые напились пьяны, заставили Морозову (назвавшуюся женою дворецкого) плясать, и предводитель их клялся, если найдет семейство Морозовых, отомстить ему за смерть своего отца; а Морозова призрела у себя взятого вместе с мертвыми с поля битвы старика шведа; и вот, как предводитель отряда наконец узнал, что он в доме у Морозовой и что она его одурачила, то и начал «клястися и ратитися», махать руками и кричать, да и схватился было за меч; тогда Морозова бросается с своим малолетним сыном в комнату, где стоял бочонок с порохом, и, в великолепном монологе, не жалея груди, грозит поднести свечу к бочонку; но как в таком случае погибла бы добродетель и восторжествовал бы порок, а сверх того, и взрыв большой избы, набитой народом, неудобоисполнителен на сцене, то по всем сим причинам вдруг выздоравливает старик швед и с криком: «Сын!» бросается к начальнику шведского отряда, а тот кричит: «Родитель мой!» и бросается к старику, а раек хлопает... Очевидно, что содержание нового «драматического представления» г. Ободовского есть не что иное, как переложение русской истории на римские нравы, по незнанию русских нравов... Сочинители известного разряда не понимают, что каждый народ доблестен по-своему, в своих формах –

русские по-русски, римляне по-римски, что Пожарский, Минин и Сусанин совершили свои великие дела без монологов из расиновских трагедий, не рисуясь по-театральному. Но угадывать форму идеи есть дело таланта: посредственность все представляет в одинаковых риторических формах. Впрочем, как пение г-жи Гусевой и пляска г-жи Каратыгиной, так и «драматическое представление» г. Ободовского совершенно пришлось по вкусу некоторой части публики: автор был вызван, и мы сами слышали, как многие, даже весьма почтенные люди, то есть люди в летах и с весом, говорили: «Вот это – пьеса; это не то, что какая-нибудь «Женитьба»!» Именно, совсем не то – мы согласны с этим...